

Записки кончаются рассказом о известных письмах 1689 года. Впрочем, все события, относящиеся ко времени правления царевны Софьи, в записках опущены. От рассказа о страшном знамении 1681 года автор прямо переходит к чтению известных писем в 1689 году. Последняя запись 1700 года сделана другой рукой. Можно предположить, что мемуарист умер между 1689 и 1700 годами.

Рукопись записок, повидимому, является автографом ее составителя. Она написана на бумаге с водяными знаками 1676—1682 годов.

Записки о событиях времени царей Алексея и Федора, как мы видели, обрываются на рассказе о небесном знамении 1681 года. Произведение другого автора конца XVII века является как бы продолжением предыдущих записок. Все изложение этих вторых записок и посвящено описанию стрелецкого бунта 1682 года.

Автор был очевидцем грозных событий, развертывавшихся в это время в Москве. Говоря о приходе стрельцов ко дворцу и переговорах царевны Софьи со стрельцами, он упоминает о боярине Кирилле Полуехтовиче Нарышкине. Отец царицы Натальи Кирилловны стоял на нижнем крыльце и трижды кланялся стрельцам. Царевна Софья говорила стрельцам «многое время, а что не слышать издали». Нельзя было также понять, по какой причине Нарышкин кланялся стрельцам: «не ведомо, не слышать, что говорили».

Однако автор записок не был в числе стрельцов или солдат, приходивших ко дворцу. Наоборот, он пишет о стрельцах с большим неодобрением. Рассказав об отъезде царского двора из Москвы и переезде в село Воздвиженское, мемуарист замечает: «а на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали».

Впрочем, автор записок не одобряет действия Нарышкиных. Царевича Петра избрали на царство «мимо большова его брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца». С горечью говорит мемуарист о стрелецких буйствах, свидетелем которых он был. Перед его глазами стоят страшные сцены стрелецкой расправы с неудобными им боярами. Голову боярина Ивана Кирилловича, царицына брата, носили, издеваясь, на копье. «Копье взоткнули на долгой же шесть, где висели не знама какие гадины, иные называли морские рыбы о семи хвостах и о пяти».

Автор записок ни разу не говорит о своей принадлежности к приказной администрации, но в свои воспоминания он вставляет приказные документы, вроде росписи людей, высланных из Москвы «по стрелецкому приговору». Да и сами его записки составлены по типу приказных документов, начинаясь словами: «Того ж году июня в 5 день» и т. д.

Автор записок рассказывает о событиях в Воздвиженском и о расправе с Хованскими. Но сам он, видимо, в Воздвиженском не был, а передавал только официальные известия и слухи. Зато то, что происходило в Москве, описано образно, простым, четким, красочным языком, который так порой поражает нас в официальных приказных документах XVII века. Когда жену Ивана Ивановича Хованского повезли в ссылку в телеге под серой полостью, «за нею идучи боярские баярыни, которые ее провожали, выли голосами и проводя воротились». Тут уж перед нами настоящая бытовая картинка. Характерно и само название «боярские баярыни», обозначение привилегированной боярской челяди, взятое прямо из жизни.

Записки о стрелецком бунте 1682 года отличаются крупными литературными достоинствами, показывающими, что протопоп Аввакум не был единственным явлением среди русских людей XVII века. Замечательны они